

На соискание Ленинской премии

Играет

27 МАР 1984

ВОЛЖСКИЙ КОМОСОМОЛЫ
Г. НУБЫШЕВ

Петр I, кардинал Мон-танелли, Федор Протасов... Кто хоть раз видел народного артиста СССР Николая Симонова в этих ролях, никогда не забудет его героев. Поэтому с радостью мы прочли в списке работ, выдвинутых на соискание Ленинской премии, имя бывшего нашего земляка Николая Константиновича Симонова, сыгравшего в последнее время Маттиаса Клаузена и Сальери.

Мне очень повезло: я смотрела оба спектакля — «Перед заходом солнца» Г. Гауптмана и «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина — с участием Н. Симонова.

Действие пьесы Г. Гауптмана разворачивается в Германии начала тридцатых годов, накануне самой страшной и позорной страницы в ее истории — прихода фашистов к власти. Герой пьесы, богатый предприниматель, книгоиздатель и коллекционер, окружен почетом и вниманием детей и сограждан. Но он чувствует фальшь и неблагополучие окружающей его обстановки: дело всей его жизни переходит в руки беззащитных торговцев, детям Клаузена чужды его идеи.

Первое, что бросается в глаза в Клаузене — Симонове, — он на голову выше

всех окружающих его людей, которые бесстыдно и назойливо суеются вокруг. Они готовы уважать и любить его — как почтенного старца, который обеспечил для них комфорт, даже роскошь в будущем, а теперь стоит на пороге смерти.

Но тайный коммерции советник Клаузен — гораздо более живой человек, чем его милые дети. Они элементарны, как амеба, он — в расцвете умственных и духовных сил. И когда Клаузен очень сдержанно и, кажется, спокойно рассказывает другу своей юности профессору Гейгеру, как его дети пытаются

выстроить преграду между ним и жизнью, за этой сдержанностью — сильная боль, недоумение, страдание. Гордая голова философа, прямые плечи, энергичная походка, внутреннее изящество и благородство каждого жеста, каждой мысли — кто имеет большее право на жизнь, чем такой, по-настоящему прекрасный человек?

Сам Маттиас Клаузен готов порой поверить, что нет у него больше права на надежды, радость, на чувство юной Инкен. И если нельзя любить, мечтать, нельзя дышать полной грудью, не лучше ли поглотить смерть? Но все его

существо возмущается против этой мысли. Он дорог Инкен, он любим и любит, он готов со всем миром поделиться богатствами своей души! Или — вступить в борьбу.

Бороться? Но бороться можно с врагом. А когда твои дети, кровь твоя, в которых вложена целая жизнь, устраивают страшную травлю и готовы уничтожить в тебе человека — что тогда?

Удивительно корректный подлец, советник юстиции Ганефельд (засл. арт. РСФСР Дубенский) приходит к Клаузене, чтобы посообщить: его дети возбуждают дело об опеке. Клаузен

— Симонов старается сохранить спокойствие, но отдельные яростные ноты в его голосе делают это спокойствие ужасным. Но вот силы покинули его. Чем беспощаднее бушует он на сцене, тем отчетливее видишь — это конец, самоуничтожение. Ничтожные и злобные муравьи побороли большого и красивого человека.

В последний раз Симонов — Клаузен выходит на сцену бесконечно усталым. Теперь ему уже, на самом деле, ничего не нужно от жизни. Он выпил яд, и, как заклинание, звучат его последние слова: «Я жаж-

Николай Симонов...

ду... я жажду... я жажду... заката».

Кажется невероятным, что актер, так великолепно сыгравший трагедию доброго, прекрасного человека, погубленного миром злобы и жадности, может с такою же потрясающей силой сыграть злодея. Клаузуна заставили принять яд. Сальери сам всыпал яд в бокал своего юного друга — гениального Моцарта.

Николай Симонов — Сальери. Крупный, красивый человек в белом парике... Первые слова... И сразу — огромный накал страсти. Чувствуешь, не в эту минуту пришли к нему черные мысли, не сегодня на-

чался отчаянный спор с самим собой.

Все говорят: нет правды на земле.

Но правды нет — и выше...

Этот большой и сильный человек — страшен: он готов к жестокому мятежу — и против людей, и против самого бога. Не мелкий завистник перед нами — человек огромного ума, незаурядной воли, пламенной энергии. Всю жизнь свою он подчинил одной страсти — музыке, точнее, он отказался от жизни ради музыки. Ценой нечеловеческого труда, «усильным, напряженным постоянством» он достиг, наконец, успеха,

даже славы. И верил — жертва его не напрасна. Верил и был этим счастливым, пока не явился гений, для которого музыка была только частью жизни, частью большого мира, полного и звуков, и красок, и радости.

Моцарт у народного артиста Честнокова — вовсе не «гуляка праздный». Просто это человек, открытый всем впечатлениям бытия, душевный мир которого ясен и удивительно гармоничен. Его чистота подчеркивает мучительную раздвоенность Сальери. Никто лучше Сальери не чувствует, как велик Моцарт. Никто не может сильнее

Сальери ненавидеть ту естественную творческую силу, которая бродит в веселом, жизнерадостном, прямодушном юноше. Неужели его отречение от всех соблазнов и радостей жизни, его горькое постоянство, иссушившее душу, уменьше «алгеброй поверить гармонию», — не нужны?

Он слушает игру Моцарта самозабвенно, и чем искренней его восторг, тем неумолимее вывод. Сухо и страстно произносит Симонов: «Ты, Моцарт, недостойн сам себя».

Это — приговор. Он решил и не даст чувству

или сомнению остановить себя. Сальери торопится, он бросает яд в вино, точно в лихорадке. Но ужас, с которым смотрит тотчас в пустой уже бокал, убеждает — он не верит в свое право судить. Сейчас — больше, чем когда бы то ни было.

И если он усомнился в своей жизни и своей славе, услышав музыку Моцарта, то теперь трагедия его еще страшнее:

...но ужель он прав.

И я не гений? Гений и злодейство —

Две вещи несовместные...

Потуплена гордая серебряная голова Сальери, страшная гримаса исказила его лицо. Он сам себя хотел уверить, что сделал это ради музыки, ради великого дела, которому

посвятил свою жизнь. И вот — мучительное смятение, почти отчаяние. Ничто не решено, ничто не распутано. Зло — это не выход, это лишь страшный тупик. Силою своего таланта заставив нас заглянуть в мрачную пропасть, Николай Симонов обнажает бессилие зла — перед гением, историей, временем. Вдохновенное искусство Симоннова страстно утверждает добро, творчество — во имя жизни, и жизнь, прекрасную, как творчество.

Э. ФИНК.